

Млонна

ДИАНА МАМЧУР

18+

Диана Мамчур

Илона

«Автор»

2026

Мамчур Д.

Илона / Д. Мамчур — «Автор», 2026

Это автобиографическая повесть, рассказанная от лица девочки, чье детство пришлось на лихие девяностые. Ее воспоминания — это калейдоскоп из ярких, парадоксальных и зачастую травматичных картин: от уюта и заботы, до хаоса и опасности. Центральная фигура повествования — красавица-мать Илона, одновременно любящая и безрассудная. Ее жизнь — это череда скандалов, переездов и сомнительных связей, в водоворот которых оказывается втянута и маленькая дочь. Это история о взрослении вопреки обстоятельствам, о поиске опоры и любви там, где, казалось бы, выжить невозможно. Перед читателем разворачивается портрет поколения и эпохи, где за внешним блеском и молодостью скрываются пороки, а детская душа учится отличать подлинное тепло от фальши.

© Мамчур Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Диана Мамчур

Илона

1

Вы знаете, я до сих пор помню это желтое пятно, оставленное мамой на белом кашемировом пальто. Одна неудачная стирка, и новая покупка испорчена. В этом пальто она была похожа на Снегурочку, пусть и темноволосую, но куда мне, ребенку, было до таких нюансов. Мама красивая, у мамы белое пальто, мама похожа на Снегурочку. Когда воспоминаний не так много, становишься жадным до деталей. Помню Виктора, ее ухажера или, правильнее будет сказать, сожителя. Однажды он показал мне первый снег за окном. В каком же я тогда была восторге, наблюдая за всеми этими падающими снежинками и прижимаясь к теплой батарее! Улицы запорошило, вокруг все стало белым и воздушным; люди шли кто куда, кто медленным, кто быстрым шагом. Мне тогда было лет пять, не больше. Помню, как в третьем часу ночи Виктор мог выйти в магазин за маминым любимым абрикосовым мороженым, потому что ей очень захотелось. Не раз она это еще вспоминала и не без хвастовства. Помню, как уличный фотограф сделал нам совместный снимок. На снимке были я, мама, Виктор и маленькая обезьянка. Обезьянка стащила у мамы из прозрачного пакета несколько черных виноградин. У меня в руках — безрукая кукла Барби. Я была одета в джинсовый костюм, на голове — чудной головной убор: разноцветный берет из синей, красной и белой ткани. А еще на мне были бежевые ботинки. Их, признаюсь, не любила. Говорила маме, что они тесные, а она почему-то не верила. Я сидела у Виктора на руках и улыбалась. В отличие от меня, Виктор и мама напустили на себя драматичный, немного даже романтический вид. Но если у Виктора прослеживался едва заметный намек на улыбку, то у мамы выражение лица изможденное. Вся в каком-то образе трагической красавицы. Она хорошо знала, как позировать: ровная осанка (впрочем, спину она всегда держала правильно), ноги сдвинуты и поставлены чуть наискосок, чтобы выгодно подчеркнуть длину и показать свои красивые острые коленки. На ней был белый легкий свитер и бежевые шорты из костюмной ткани средней длины. Прическа с виду простая, на деле же — шиньон тщательно прикрыт своими волосами в месте фиксации шпильками. Создание такого образа для мамы являлось чем-то вроде ежедневного ритуала. От природы ее волосы были тонкие, и она не хотела с этим мириться. Но не стеснялась выглядеть естественно перед тем же Виктором, да и перед другими своими ухажерами тоже. Стоит отметить, что когда делали снимок, стоял солнечный день, и холодную на тот момент красоту мамы подчеркивал яркий свет. Будь на улице пасмурно, она бы так не выделялась, несмотря на яркие запоминающиеся черты лица. Она бы выглядела более естественно. Виктор на этой фотографии сидел в светлых джинсах и темной рубашке, тоже худенький, будто худоба тогда была в моде. Но они были молоды: маме всего двадцать два года, Виктору не больше тридцати. Он был для нее больше чем просто любовник, кажется, они даже любили друг друга. О существовании родного отца я тогда не знала, мама говорила, что он умер. Поэтому к Виктору привязалась. Но всегда знала, что он мне не отец, более того, для меня уже тогда, вне зависимости от привязанностей, важно было называть все и всех своими именами, конкретизировать, кто есть кто. Но это не мешало мне полюбить Виктора как родного. За его доброту, хорошее отношение к маме, ко мне. Для него я была не просто дочерью любовницы, он с полной ответственностью отводил время на разговоры со мной — маленькой девочкой, не из чувства долга, а с душевной теплотой. Помню, как мама в приказном тоне велела называть Виктора папой.

— С сегодняшнего дня, называй Виктора «папа». И не смей называть «дядя Витя»! Ты меня поняла?

— Да.

С тех пор я больше не произнесла Виктору ни слова.

Помню тот злополучный скандал. Мы тогда со съемной квартиры переехали к Виктору, где также проживали его мама и брат. Сложно припомнить, с чего все началось, и я, будучи ребенком, никак не могла знать всех нюансов этой ссоры. Но когда я сложила пазл из своих воспоминаний и того, что узнала от родственников, произошла такая ситуация:

Незадолго до переезда к Виктору в квартиру у нас появился видеоманитофон — видик, как тогда еще называли. Мама украла его у родной сестры. Явилась в квартиру, когда никого не было дома, и симитировала ограбление. Даже дверь оставила открытой. Ключи у нее свои имелись, так как мы тоже были там прописаны и иногда возвращались пожить на какое-то время, но всегда ненадолго. Тетя уже хотела вызвать милицию, но тут бабушка заметила, что нет ее плаща, и сразу же догадалась:

— Это Илонка!

Так мне позже рассказала бабушка, когда мы вспоминали прошлое и говорили о маме. Я рассказала ей об этом скандале, где в порыве злости мама выбросила этот видик из окна. Благо на голову никому не упал. Мне бабушка сразу сказала:

— Я так и знала, что это твоя мама. — И дальше рассказала все в ярких подробностях. Милицию, конечно же, они не вызвали, а мама им так и не призналась в краже.

Выбросила видик она, когда Виктор вступил с ней в спор. Мать Виктора нашла у моей мамы наркотики. Виктор знал о зависимости Илоны и всячески пытался помочь избавиться от этой ее дурной привычки, за что наша семья если и вспоминала его, то только добрым словом, особенно бабушка. Да что уж там говорить, ведь и я, будучи ребенком, видела в нем хорошего человека.

После этого скандала будущее отношений мамы и Виктора было предрешиено. Никто не хотел связываться с наркоманкой, у которой к тому же был ребенок. Еще до встречи с Виктором моя память восстанавливает фрагменты, которые лучше забыть. Помню, как мама стягивала себе руку резиновым жгутом, как держала ложку над газовой конфоркой. Память хорошо запечатлела эти кадры. Однажды я не могла ее разбудить. Пыталась. Подходила и своими маленькими пальчиками раскрывала ей веки: зеленые радужки и белки были глянцевые, как стекло. Я не знала, что с ней, но чувствовала страх. Квартира казалась слишком большой, мама такой неподвижной, а я такой маленькой. Я сидела у ее кровати, взяв в руки искусственный букет цветов, и ждала, с каждой минутой острее чувствуя безысходность и страх. Правда, потом мне надоело, и я воспользовалась моментом. Надела мамино салатовое платье и черные туфли. Мне так нравилось это платье, как же оно шло маме! Я всегда хотела его примерить. На ее стройной фигуре все платья смотрелись как на актрисе. Но это салатовое было немного коротковатое, не для вечерних прогулок, хотя у нее они как раз предназначались для вечеров. А вот черное на тонких бретелях с мелкой вышивкой из каких-то белых маленьких цветочков по всей длине, аж до щиколоток, очень аккуратно подчеркивало ее красоту. Можно было даже сказать — непорочную. Но! Как же этих «Но!» было много. Наркотики и ее работа. Она была сутенёршей. Не проституткой, а сутенёршей, такая себе «бизнес-леди из девяностых», у нее даже были свои охранники. Близкие намучились с выбором ее «профессии». Как средство коммуникации тогда использовали пейджеры и домашний телефон. Мама всегда любила покупать новые телефоны. Как только появились с определителем номера, она тут же его достала. Когда мы возвращались домой, в семью, где жили тетя и бабушка, эти телефоны часто летели в стену. Поступали звонки от клиентов, чтобы заказать себе проститутку. Такая была мама. Папа, который, как оказалось, был жив, позже рассказывал мне, что Илона просила всех назы-

вать ее «Мадам». Это я узнала намного позже. От мамы же и ее окружения ни разу не доводилось слышать это пафосное «Мадам».

Вернусь к воспоминаниям о скандале. Когда Виктора не было дома, его брат нас выгнал из квартиры. Лично отвез меня и маму подальше от их дома. Маме пришлось назвать адрес, по которому нас нужно было отвезти. Брат Виктора четко дал понять, чтобы Илона не смела возвращаться. Проговорил для убедительности какие-то угрозы, а сам Виктор об этом ничего не знал. Так мы впоследствии оказались в квартире у художника, которого я по сей день считаю странным. Возможно, он и не был художником, но акварель, бумага и кисточки у него были. Внешность художника, чье имя я уже не вспомню, была интересной, даже аристократической: седые волосы напоминали тонкие нити почерневшего серебра, густые и длинные, с мягкими крупными волнами. Иногда он собирал все это богатство в хвост. А теперь представьте себе еще белую рубашку с расстегнутыми верхними пуговицами, небрежно закатанными по локоть рукавами, представьте его стройный стан. Чего стоит только посмотреть на лицо: орлиный нос, глубокий взгляд темных глаз и плотно сжатые тонкие губы. Чем не художник? Вот и я решила, что художник, а иначе стал бы он учить меня рисовать? К тому же он и сам сказал, что художник. Художник, да и ладно, решено теперь точно, этот мамин ухажер был художник. А чем не ухажер, они даже успели поскандалить, выяснить, так сказать, отношения. Квартира у него была уютная. В длинном коридоре висело зеркало во весь рост, ну точно для мамы, чтобы она перед ним прихорашивалась. Но художник и мама, когда ссорились, все испортили, взяли и разбили это огромное коридорное зеркало. Мама порезала руку. Ссора улеглась, и художник стал лекарем. У него в комнате был такой красивый подоконник, там столько разных растений и цветов — маленький зеленый уголок в квартире, за стенами, которые прячут нас, людей, от солнца и ветра, от той жизни, что проходит мимо нас, где-то там за окном. В нескольких горшках рос алоэ. Как-то он подошел к растению и стал шептать что-то, ну точно молитву. Потом этот странный человек оторвал лист от растения, очистил одну сторону от кожуры и дал маме, чтобы та приложила к ране.

— Сок алоэ помогает заживить раны, — стал объяснять он мне. — Но прежде чем сорвать лист, у растения нужно попросить прощения и объяснить, для чего ты это делаешь.

Потом художник посадил меня за стол, положил передо мной бумагу, акварель, кисточки и поставил граненый стакан с водой. Он стал учить меня рисовать. Мне казалось, что на бумаге происходит настоящее волшебство, он рисовал туман, то, что могла повторить и я в своем возрасте. Он хотел, чтобы я тоже почувствовала эту магию красок. Держал кисточку и мою руку в своей и водил ею по бумаге, напевая:

«Сиреневый туман над нами проплывает
Над тамбуром горит полночная звезда
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает
Что с девушкою я прощаюсь навсегда»¹

Художник был строгий под стать своей аристократической внешности. Все пытался меня воспитывать. А мама говорила:

— С ней так нельзя!

— Ребенка нужно воспитывать, — доказывал он.

А мама с ним спорила, чтоб отстал от меня, мол, я самостоятельная и плохо реагирую на грубость и принуждение к чему-либо. Что ж, права была моя защитница. Помню, как сильно я на нее обиделась, это было еще до встречи с Виктором, мне было около четырех лет, и я очень хорошо запомнила этот ее возмутительный поступок. Она дала мне в руки нож и картошку,

¹ Песня «Сиреневый туман» стала широко известна в конце 1980-х и начале 1990-х годов благодаря исполнению Владимира Маркина.

грязную, нечищеную, и заставила чистить. Мол, учись. Я так на нее обиделась, вы даже представить себе не можете. Все думала: «А почему это я должна? Не она ли должна все делать?» А что касается моей самостоятельности, то вот еще одно воспоминание. В преддверии нового года каждый ребенок хочет, чтобы дома стояла елка, такая нарядная с игрушками, — вы не раз такую видели. И я тоже хотела так сильно, что сказала маме перед ее выходом из квартиры: «Без елки даже не возвращайся!» Моя любимая красавица мама очень ответственно отнеслась к моим словам. Вернулась с елкой на следующий день или в ночь. Бывало, что эта деловая женщина и потом оставляла меня одну на ночь. К самостоятельности приучила. А еще я редко улыбалась и была очень замкнутой, но с некоторыми людьми, такими как Виктор, я становилась маленькой веселой девочкой. А еще, когда мне разрешали делать прически маминым подругам, тогда от моей замкнутости ничего не оставалось. Этот же художник, несмотря на свою неординарность, скорее вызвал во мне интерес. Я хорошо реагировала на его попытки меня чему-то научить и уже даже прониклась к нему доверием. Он так трепетно отнесся к растению и с такой заботой о моей маме. Конечно, как Виктора я не смогла его полюбить, да и не так долго мы у него прожили. А даже если бы и долго, все равно не смогла бы, слишком уж строгий и требовательный. Я же любила добрых и легких в общении людей. А этот скорее был холодный и гордый, чей авторитет, казалось, был непоколебим. Но как же быстро этот авторитет разрушился, вы даже не представляете. Таких психов мне в том возрасте еще не приходилось видеть. В тот день его не было дома. Я разнервничалась, что мама осталась без своего чудо-лекарства, и взяла на себя роль лекаря, что мама одобрила. Сделала все, как нужно было: попросила прощения у алоэ, прежде чем сорвать лист, который был так необходим моей родительнице. Когда художник вернулся, он заметил, что одного листочка у растения нет, как вы поняли, он к тому же из тех, кто проверяет каждый угол. Так вот, после этого он перешел на крик, мол, нужно было сначала попросить прощения, мол, что я наделала. Мама сразу в защиту, что я все сделала правильно, он сразу успокоился, но, насколько помню, даже не извинился. В тот момент, когда он кричал, его лицо было изуродовано звериным оскалом, а еще казалось, что он задохнется от своей ярости. Жалкое зрелище, мы с мамой переехали, на этот раз уже по ее желанию.

Все не могу забыть вкус варенья из роз. Вы когда-нибудь пробовали? Я в своей жизни лишь раз. Ощущение более чем необычное. Десерт, который каждой женщине, девушке, девочке дарит не только запоминающийся вкус и аромат, а еще чувство, что ты особенная и сам момент очень важный. Ни с чем не сравнимые ощущения. Представьте себе мое удивление, когда я узнала, что розы, эти нежные розовые бутоны на кустах, растут не только во дворе, что их можно есть ложкой, запивая чаем. Мы с мамой какое-то время гостили у ее друга, не ухажера, не подумайте. Мама тогда была такой хорошей, она связала крючком салфетку и подарила матери своего друга, помогала ей с уборкой по квартире, готовила. А вообще она всегда держала жилое помещение в чистоте, где бы мы ни жили. Любила шить. И не просто любила, а очень хорошо умела, за этим занятием я тоже любила за ней наблюдать, не только когда она прихорашивалась у зеркала. Когда она шила, возникало ощущение стабильности и покоя. В квартире у ее друга жили кошки, маленькие вредные хозяева. В таких условиях мне дали попробовать это варенье. Оставили на кухне совсем одну с целой банкой. Банка упала на пол, не разбилась, но часть варенья вытекла. На полу лежал маленький круглый коврик, и я подумала, что правильно будет прикрыть им лужу из розового варенья. Наивно полагала, что никто не заметит, и была, честно, очень смущена, когда все узнали о моем гениальном решении. Мы там прожили недолго. Помню, у меня было платье такое красивое, мама купила его мне в детский сад на утренник, чтобы я там была снежинкой. В детский сад я ходила очень редко, только когда мы возвращались домой. А этот друг жил неподалеку. Помню, как я из окна заметила мальчика, который тоже ходил в тот же детский сад, что и я. Мы помахали друг

другу, после чего я зачем-то взяла это платье и прямо с окна стала ему показывать. Зачем, сейчас и не вспомню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.